

**«Толерантность» как репрезентация широты взглядов
или человеческой подлости**

Как-то раз покойный Т.В. Филиппов, рассказывает князь Мещерский, приходит к К.П. Победоносцеву и спрашивает его:

– Правда ли, что вы берете к себе NN?

– А что? – спрашивает его К.П. Победоносцев.

– Да ведь он подлец.

– А кто нынче не подлец? – возразил государственный мудрец.

.....

Граф Делянов, со свойственной ему добродушной иронией, усмехнулся:

– Ну, говорит он, – зачем же так сразу и подлец, просто двоедушный человек.

Л.А. Тихомиров «Монархическая государственность»

Эпиграф тезисов не есть жажда эпатажа. Приведенная цитата – всего лишь эмпирическая экспликация того, как сама идея толерантности своеобразно преломляется в сознании отдельно взятого индивида. С одной стороны, толерантность предполагает этическую чуткость, соблюдение «золотого правила морали» или заповеди Гиппократы: «Не навреди». Но, с другой стороны, именно эта же толерантность, «гражданская терпимость» позволяли Дж. Локку созидать гражданское общество, развивать идею «неотчужденных прав человека» и одновременно быть активным сторонником рабства, вкладывать свои сбережения в Королевскую Африканскую компанию. З. Фрейд в работе «Цивилизация и ее разочарования» задавался вопросами: почему я должен любить «другое», «чужое», если это противоречит моему человеческому опыту? Почему я должен принуждать, заставлять себя? Ведь если он «чужой», мне просто трудно его любить, непонятно: почему и за что? Так не является ли толерантность красиво закамуфлированным насилием?

Толерантность – очень зыбкий термин, но, тем не менее, именно он задает смысловые структуры, в рамках которых формируется та или иная стратегия преподавания. Наполнение этой дефиниции конкретным содержанием зависит не только от интенций, желаний, но и конкретной культурной среды. Нельзя не учитывать, что в современном мире эту роль выполняет отнюдь не интеллигенция, культурная элита, аристократия, а номенклатурная экспертократия. Каждое общество создает свои

ценности, соответствующие его инстинктивному пониманию мира, природному окружению.

Вслед за террористическими атаками 11 сентября 2001 года был поставлен один из вопросов, который неоднократно вставал и далее: «Почему? Почему “Они” ненавидят “Нас” (американцев)?» Американцы утверждали, что искали только Мира и выстраивали планетарную демократическую систему, внешне в большинстве случаев работая через Организацию Объединенных Наций. Почему тогда «Они» ненавидят «Нас»? Мега-террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон помогли акцентировать факт перехода современной мировой системы в систему постсовременную, где средства массового уничтожения оказались толерантно демократизированы. Ранее это осознавалось эмпирически, но концептуализировано не было. Публичное появление глобализованного мега-терроризма эксплицитовало возможность войны, ведущейся неконвенциональными методами. За полвека до 11 сентября 2001 года Дж. Сантаяна прогнозировал терроризм как экзистенциальный страх, страх животной веры, страх перед самим существованием.

Через проталкивание «толерантности» в культуре, политике, сфере образования на самом деле происходит разрушение нравственного иммунитета, снижается психологическая защита против дебелизованного информационного экстремизма. В культуре XXI века толерантность отнюдь не является ценностью, положительной или отрицательной значимостью чего-либо, скорее, она репрезентирует инфантильный релятивизм как преподавателя, студента, так и современного человечества в целом.

Еще в римской империи при гонениях на христиан был издан «Манифест о толерантности». Христиане раздражали язычников именно отсутствием толерантности, нежеланием чтить святыни других религий. Первых христиан «толерантно» пытали, ослепляли, убивали, требуя терпимости и смирения, «широты взглядов».

Но, исходя из вышеизложенного, хотелось бы отметить, что толерантность, терпимость не есть сами по себе проявления добра или зла. Витиевато рассуждая о толерантности, каждый раз следует внимательно изучать предмет исследования, истоки и последствия подобных феноменов. Спор о сравнительных достоинствах толерантности, терпимости, нетерпимости, невозмутимости, мужества, как отмечалось еще В. Соловьевым в «Оправдании добра», может иметь только лексический, а не этический интерес. Не следует отождествлять толерантность идеологически заданную, идейную с толерантностью гражданской и, тем более, с толерантностью отдельно взятого индивида. Что касается образования, то дискуссии о толерантности и ее применении в образовательном процессе рискуют в этом случае превратиться в насаждение «толерантности» на государственном, корпоративном уровне. У любого человека, тем более студента и преподавателя, должно быть свободное право на

реализацию своей принципиальной позиции, на несогласие. В противном случае нам всем может грозить опасность впасть в демагогический релятивизм, нигилизм, виртуальную репрезентацию себя как сторонника демократической широты взглядов. Нельзя забывать о том, что такое хорошо и что такое плохо. Именно они были тем микрофизическим вакуумом, той аксиологической протоплазмой, с которой началась эволюция европейской культуры и этики, а отнюдь не симулякр толерантности.